

УДК 81'36: 811.161.1
ББК 81.2

А.Ф. Пантелеев

**ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ
СЛОВОФОРМЫ КОНКРЕТНЫХ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
И ВТОРИЧНАЯ
ИМЕННАЯ ПРЕДИКАЦИЯ**

Статья посвящена анализу полипропозитивных простых предложений с предложно-падежными словоформами конкретных имен существительных в роли носителей свернутой пропозиции и вторичной именной предикации. Исследование конструкций с предложно-падежными словоформами имен существительных позволило установить, что к числу средств актуализации пропозитивной семантики относятся микро- и макроконтекст, семантика основного предиката, фоновые знания говорящих.

Ключевые слова: *пропозиция, вторичная предикация, процессуальность конкретного имени, коэмпирия.*

Пантелеев Андрей Феликсович – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Tel.: +7-918-510-63-48
E-mail: af3@yandex.ru

© Пантелеев А.Ф., 2014.

Конструкции с вторичной предикацией, свернутой пропозицией давно уже стали объектом пристального внимания отечественной лингвистики. Еще Ф.И. Буслаев оперировал понятием «сокращенное придаточное предложение» [Буслаев]. Ю.Д. Апресян считает, что предложение «Я не занимался из-за болезни» является сокращением сложного предложения «Я не занимался из-за того, что был болен», т.е. рассматривает словоформу «из-за болезни» в качестве «свернутого предложения» [Апресян, с. 305]. В трудах сторонников коммуникативной грамматики подобные простые предложения признаются полипропозитивными конструкциями, содержащими вторичную именную предикацию. Предложно-падежные словоформы абстрактных имен, как отмечается в лингвистике, занимают центральное место среди носителей пропозитивного значения в полипропозитивных простых предложениях [Золотова, Онипенко, Сидорова]. Та же закономерность наблюдается и в использовании конкретных существительных в функции средств выражения вторичной именной предикации в «неэлементарном» [Черемисина, Колосова, с. 13] простом предложении. Предложно-падежные словоформы конкретных существительных в этой функции употребляются гораздо чаще, чем беспредложные словоформы.

Среди синтаксем с конкретными существительными в функции носителей вторичной именной предикации заметное место занимают конструкции с предлогом «на». Данные структуры обна-

руживают тесную связь с семантикой основного предиката, средствами контекста, фоновыми знаниями говорящих, или коэмпирией [Адамец, с. 49], необходимыми для актуализации пропозитивной семантики у синтаксем «на + Вин. пад.» конкретного имени.

Обоюдная информированность коммуникантов создает необходимые условия для элиминации пропозитивного имени. Ср.: «*Совсем недавно семья Н. стала в очередь на телефон*» (Российская газета, 2001, № 2). В подобном сочетании конкретное существительное занимает позицию элиминированного отвлеченного имени – девербатива: «*Совсем недавно семья Н стала в очередь на получение телефона*». Приведем синонимичное сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельством цели: «*Совсем недавно семья Н. стала в очередь для того, чтобы получить телефон*». Значение следования за действием основного предиката типично для конструкций «на + Вин. п.» конкретного существительного.

Нужно заметить, что слово «телефон» имеет следующее значение: «Телефон....Система связи для передачи речевой информации на расстоянии при помощи электрических сигналов по проводам или радио» [Ожегов, Шведова, с. 820]. Следовательно, конкретное имя существительное «телефон» является однозначным, не предполагающим возникновения синтаксической омонимии, неоднозначности. Легко прослеживается важность фоновых знаний говорящих в плане актуализации пропозитивного значения у подобных конкретных существительных. Фоновые знания выступают в комбинации с другими средствами (чаще всего это семантика основного предиката), как актуализаторы наличия/отсутствия пропозитивного значения у конкретного имени. Ср.: – «...стали в очередь на телефон (+) // посмотрели на телефон (-)».

На наш взгляд, в значении пропозитивного имени весьма часто могут выступать конкретные существительные при элиминации имени действия, ср.: «*Развеселая гурьба, ничего не подозревая, пошла на медведя*» (Жизнь, 2002, № 15). При этом значение «второго» сообщения в предложении актуализируется использованием в позиции управляемого компонента при основном предикате конкретного имени существительного на месте имени действия либо инфинитива. Словоформа «на медведя» обозначает процесс охоты на животное, т.е.: «*Развеселая гурьба, ничего не подозревая, пошла охотиться (на охоту) на медведя*».

Однако семантика конкретного имени также является средством актуализации пропозитивного значения. Использование одушевленного существительного делает невозможной реализацию локативного значения у синтаксемы «на + Вин. пад.» конкретного имени, в отличие от конструкций с неодушевленными конкретными существительными, типа: «*Развеселая гурьба пошла на озеро (на крышу, на стадион и т.д.)*», где синтаксема «на +Вин. пад.» не содержит вторичную предикацию, а имеет значение обстоятельства места, т.е. выражает локативную семантику.

Основное действие в предложении предшествует действию свернутой пропозиции при общей отнесенности высказывания к плану прошлого. Связь действия во времени сочетается со значением обусловленности. Данным предложениям синонимично сложноподчиненное с придаточным обстоятельственным цели: – *«Развеселая гурьба, ничего не подозревая, пошла для того, чтобы поохотиться на медведя (... чтобы убить медведя)»*. Аналогичным примером свернутой предикации можно считать следующую конструкцию: *«А если он уехал на окопы?»* (В. Панова. Валя), где «окопы» означает не «укрытие для стрельбы и защиты от огня в виде неглубокого рва с насыпью» [Ожегов, Шведова, с. 462], а сам процесс рытья окопов. Приведем синонимичные синтаксические конструкции с отвлеченным существительным: – *«А если он уехал на рытье окопов»*; и сложноподчиненное предложение с придаточным со значением цели: – *«А если он уехал для того, чтобы рыть окопы?»*. Здесь мы встречаемся с примером имплицитности, в раскрытии смысла которой может помочь предшествующий контекст, который и подтверждает, что речь идет о процессе сооружения укрытия от огня: – *«Война продолжалась... Стране требовались новые силы для обороны... Валя волновалась, что он едет в укрепленный район, не предупредив ее... А если он уехал на окопы?»* (В. Панова. Валя).

Еще одним видом конструкций с предлогом «на» может стать случай с нарушением норм глагольного управления. Ср.: *«Те позвали его раз, другой, поняли, в чем дело, и стали дергать на полы из работяг»* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича). Основной предикат требует от зависимой словоформы «на + Вин. пад.» наличия процессуального значения, сравним: «дергать на уборку», «дергать на допрос» и т.д. Следовательно, предложно-падежная словоформа «на полы» в данном контексте является не локативной, а событийной синтаксемой: *«Те позвали его раз, другой, поняли, в чем дело, стали дергать кого-нибудь из работяг, чтобы те помыли полы»*. Однако значение, «принудительно отправить» у глагола «дергать» актуализируется именно в сочетании с формой множественного числа конкретного существительного. При употреблении же данного конкретного имени в форме единственного числа значение глагола «дергать» меняется, ср.: *«Те стали дергать на пол из работяг»*. Предикат в этом предложении имеет значение: «Тянуть, тащить резким, отрывистым движением» [Ожегов, Шведова, с. 163], следовательно, словоформа «на + Вин. пад./ ед.ч.» конкретного существительного выступает в функции обстоятельственной локативной синтаксемы, а предложение является монопредикативной монопропозитивной конструкцией.

Вышесказанное применимо для следующего предложения с конкретным существительным, ср.: *«Разгневался Павло, восемь человек сразу выгнал на шлакоблоки»* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича). Данное «неэлементарное» простое предложение синонимично СПП с целевым придаточным и ПП с отвлеченным существительным: *«Разгневавшись, Павло восемь человек сразу выгнал на изготовление шлакоблоков (либо на разгрузку шлакоблоков)»; «Разгневавшись, Павло восемь человек сразу выгнал, чтобы разгружать /разгрузить/ шлакоблоки»*.

Очевидно, что характер таксисных отношений в подобных предложениях определяется, прежде всего, семантикой сказуемого – основного действия. Глагол «выгнать» предполагает направление действия «куда-нибудь», происходящего после момента основного действия. Направленность действия свернутой пропозиции в будущее не нарушает общего временного плана всего высказывания, отнесенного к прошлому.

Морфологическим показателем процессуальности абстрактных существительных, «предикатных актантов» [Храковский, с. 3], «во многом аналогичных» предикативной единице [Тулина, с. 432], является употребление в формах множественного числа, показывающих различные проявления действия либо его повторяемость. Видимо, схожую функцию имеет употребление в форме множественного числа и конкретного имени существительного, поскольку многозначность глагола – основного предиката не позволяет однозначно рассматривать зависимую словоформу «на + Вин. пад.» в качестве событийной синтаксемы. Таким образом, форма множественного числа конкретного имени является маркером полипропозитивного значения данных предложений, средством актуализации периферийного значения основного предиката.

Конкретные существительные с предлогом «на» в функции носителей свернутой пропозиции синонимичны по значению целевым прилагательным в сложноподчиненном предложении. Пропозитивное значение данных синтаксем актуализируется при помощи семантики сказуемого «неэлементарного» простого предложения, контекста, конситуации, употребления конкретного имени в форме множественного числа, являющегося показателем наличия у существительного процессуального значения.

Говоря о вторичной именной предикации, выраженной конкретными именами существительными при элиминации девербатива, необходимо отметить более тесную связь подобных конструкций с макроконтекстом, если сравнивать их с глагольными конструкциями и с вторичной предикацией, выраженной именем действия: *«Если ты шьешь наряды для королевы, – сухо сказал Данилов, – стадо быть, вы с Войновым скоро уедете в Англию»* (Орлов. Альгист Данилов). Конструкция «для + Род. пад.» выражает целенаправленную деятельность каузатора, характеризуясь признаками политемпоральности и полиперсональности. Целью деятельности каузатора является изменение бытия другого субъекта. Данное предложение, на первый взгляд, является примером конкретной реализации установленной модели «У совершает действия с целью изменения состояния X-а». Однако при обращении к макроконтексту конструкция «для + Род. пад.» получает неожиданную интерпретацию: *«Ты шьешь наряды для того, чтобы показаться в них королеве во время приема»*.

В подобных случаях следует говорить об «имплицитности мнимого знания» [Пантелеев], при которой экспликация значения вторичной именной предикации не соответствует нашим представлениям о прототипической ситуации. Установление характера лексико-семантических

отношений между основной и вторичной предикациями в таких предложениях невозможно без экспликации «пропозиции Факта» [Осетрова, с. 22], т.е. в нашем случае без привлечения контекста: «*Ты приготовила весь этот стол для гостей?*» (В. Панова. Сентиментальный роман). Самая обычная трактовка этого примера логически выстроилась бы следующим образом: «*У приготовил стол, чтобы угостить X-а*», но, следуя контексту, получаем другой, мало ожидаемый вариант развертывания свернутой пропозиции: «*Ты приготовила весь этот стол, чтобы отобедать, а после пойти в гости?*».

Конструкции с предлогом «для» так же, как и синтаксемы «на + Вин. пад.» конкретного имени, синонимичны по значению целевым придаточным в сложном предложении. Однако подобные конструкции употребляются крайне редко, что можно посчитать специфической особенностью конкретных существительных, выполняющих функцию носителей вторичной именной предикации, поскольку в целом предлог «для», как отмечает, например, В.П. Малащенко, «специализируется» на выражении значения цели [Малащенко]. Конструкции «для + Род. пад.» конкретного имени более тесно связаны с контекстом, конституацией, чем синтаксемы «на + Вин. пад.»; довольно часто их характеризует наличие ситуации «мнимого знания». Следует согласиться с тем, что подобные конструкции, взятые вне предложения, вне контекста, «отличаются смысловой неопределенностью» [Татарникова, с. 23].

В современной лингвистике существует мнение, что событийно-темпоральная синтаксема может быть образована при помощи имени с конкретной семантикой, представляющего событие эллиптически [Золотова; Золотова, Онипенко, Сидорова]. Это замечание можно считать необходимым условием рассмотрения конструкций, в которых пропозиция выражена имплицитно при помощи предложно-падежной формы конкретного имени с предлогами «после», «перед». В подобных конструкциях возрастает роль коэмпиири, обоюдной информативности коммуникантов, которая позволяет однозначно трактовать значение свернутой предикации с элиминированным процессуальным именем. Например: «*Однако после госпиталя Бессонов знал, что ощущение боли в задетом осколком нерве останется надолго, к ней надо привыкнуть*» (Богомолов. Момент истины). На первый взгляд, смысл предложения весьма доступен и понимается однозначно: «*После пребывания в госпитале, (выписавшись), Бессонов знал...*». Синтаксема «после + Род. пад.» конкретного имени обозначает свернутую предикацию, действие которой предшествует основному действию данного предложения. Но данная синтаксема допускает двоякую трансформацию в развернутый глагольный аналог, так как элиминированным может быть как процесс «пребывание» (см. выше), так и «посещение», сравним: «*Когда Бессонов посетил госпиталь, он узнал...*». Важным считаем заметить, что именно многозначность конкретного существительного в его метонимическом переосмыслении не дает оснований для однозначного толкования свернутой пропозиции. Видимо, отсутствие в предложении темпорального

конкретизатора основного действия, типа «сегодня, вчера, неделю спустя», и Твор. пад. является одной из причин возникновения неоднозначности в предложении с элиминированным процессуальным именем. Например: «*Сегодня после госпиталя Бессонов узнал, что ощущение боли в задетом осколком нерве останется надолго...*»; или: «*После госпиталя, через пару недель, Бессонов знал, что ощущение боли в задетом осколком нерве останется надолго...*».

Подобная неоднозначность устраняется уже в рамках свернутой пропозиции с абстрактным именем в функции носителя пропозитивного значения, ср.: «*После лечения (пребывания) в госпитале Бессонов знал,...*». В данном предложении эксплицируется сама ситуация, тот факт, который эллиптически выражен в синтаксеме с конкретным существительным «после госпиталя».

Другой причиной выступает отсутствие в сознании носителя языка обязательной временной связи между событиями, фактами, представленными в предложении. Например: «*После клиники и Кисловодска старенький-престаренький, с трясущейся головой, финдиректор подал заявление об уходе из Варьете*» (Булгаков. Мастер и Маргарита). Без предшествующего текста невозможно с абсолютной уверенностью установить, какое событие произошло раньше в жизни финдиректора: «клиника» или «Кисловодск». Простое полипропозитивное предложение содержит в себе однородные члены – конкретные существительные в функции носителей свернутой вторичной предикации, но факт их следования одного за другим не может являться стопроцентным доказательством того, что финдиректор сначала посетил клинику, а уже после отправился в Кисловодск, ведь эти явления могли происходить параллельно, в кисловодской клинике, хотя это спорное суждение. Видимо, конструкция с союзом «и» подразумевает следование одного действия (ситуации) за другим. Синтаксема «после + Род. пад.» конкретных имен в данном примере имеет двоякую интерпретацию из-за отсутствия в предложении темпорального конкретизатора основных действий, сравним: «*Когда финдиректор вышел из клиники, то через неделю поехал в Кисловодск, после чего подал заявление об уходе... / Сразу же после клиники, отдохнув в Кисловодске... финдиректор подал заявление об уходе...*». Использование в одной синтаксической конструкции однородных членов предложения привело к образованию сразу же нескольких возможных вариантов протекания событий, между которыми существует вероятность установления всевозможных временных промежутков. Действие глагола предикативной основы данных выше предложений может протекать на фоне более длительного действия, связанного с процессом лечения (в госпитале/клинике). Подобной неоднозначности не возникает, если сообщения в предложении в сознании говорящего тесно связаны во времени отношениями «предшествование / следование», предусматривающими полное завершение действия свернутой предикации. Сравним: «*После Османии Афины вновь возродились*» (Большая серия знаний. Планета Земля, с. 88). Данное предложение синонимично следующему

сложноподчиненному предложению: *«После того, как Османская империя прекратила свое существование, Афины вновь возродились»*. В сознании коммуникантов факт возрождения Афин является закономерным следующим за падением Османской империи. Или: *«Он после гимназии кончал в Петербурге институт инженеров путей сообщения»* (Симонов. Так называемая личная жизнь). Здесь факт окончания института в Петербурге в сознании коммуникантов явно следует за фактом окончания гимназии. Элиминированное имя с процессуальной семантикой однозначно восстанавливается из соотношения ситуации, представленной в основном предикате, и сообщения, носителем которого выступает синтаксема. Приведем синонимичную конструкцию – сложное предложение, в котором свернутая пропозиция будет представлена в придаточном обстоятельственном с временным значением: *«После того как окончил гимназию, он кончал в Петербурге институт инженеров путей сообщения»*.

Предлог «после» здесь указывает на предшествование действия свернутой пропозиции действию предикативной основы простого полипропозитивного предложения. В полипропозитивном простом предложении производный предлог «после» выполняет не только функцию выражения отношений между главным и зависимым членом словосочетания, но и является лексическим уточнителем временной делимитации типа «потом», «затем», «через некоторое время» и т. д.

Данное значение закреплено за предлогом «после» так же, как и за синонимичным ему подчинительным союзом «после того как»: 1) *«После падения Османии (После того как пала Османия) Афины вновь возродились»*; 2) *«После окончания гимназии (После того как окончил гимназию) он кончал в Петербурге институт инженеров путей сообщения»*. Введение в текст предложения темпоральных конкретизаторов, типа «через пять лет», а также привлечение пред- и постконтекста являются избыточными в плане установления значения свернутой предикации.

Привлечение более широкого контекста необходимо в «ситуации незнания» [Бабайцева]. Ср.: *«Но все же пришлось быть настороже, особенно после Глинян»* (Быков. Сотников).

Использование в качестве событийно-темпоральной синтаксемы имени собственного, представляющего событие эллиптически, приводит к тому, что высказывание содержит информационный пробел. Адресат осознает причинно-следственную связь между «вторым» сообщением и основной предикацией, для которой вторичная предикация выступает в качестве каузативного компонента: *«Если приходилось быть особенно осторожным после Глинян, следовательно, в Глинянах произошло некое событие, ставшее причиной этой повышенной осторожности»*. Однако собственно причина, имплицитно выраженная синтаксемой «после + Род. пад.» имени собственного, остается неясна, поэтому могут возникнуть уточняющие вопросы: *«Что именно произошло в Глинянах?»*; или *«В чем причина повышенной осторожности?»*.

Возможность экспликации собственно причины обусловлена контекстом, где содержится объяснение того, что заставило основной субъект предложения изменить свое состояние: *«Но все же пришлось быть настороже, особенно после Глинян, возле которых они два часа назад едва не напоролись на немцев»*.

Противоположным с точки зрения временного соотношения с основным действием выступает действие пропозиции, имплицитно выраженной синтаксемой «перед + Твор. пад.» конкретного имени, ср.: *«Когда костей наберется гора на столе – перед новой бригадой кто-нибудь смахнет, и там они дохрястывают на полу»* (Солженицын. Один день Ивана Денисовича). Конкретное существительное в форме Твор. пад. с предлогом «перед» эллиптически выражает пропозицию, значение которой актуализируется не столько семантикой предиката, сколько средствами контекста и конситуации. По значению данная синтаксема синонимична придаточному обстоятельству времени в СПП, ср.: *«Кто-нибудь смахнет перед тем, как придет новая бригада»*; либо полипропозитивному простому предложению с девербативом, ср.: *«Перед приходом новой бригады кто-нибудь смахнет...»*. Значение предлога «перед» является синонимичным значению подчинительного союза «перед тем как».

В завершение следует подчеркнуть, что привлечение более широкого контекста, коэмпирии необходимы для экспликации ситуации, пропозиции, эллиптически представленной в синтаксемах с предложно-падежными словоформами конкретных существительных. Наличие пропозитивного значения у конкретного имени актуализируется прежде всего семантикой основного предиката, поскольку обозначаемое им действие предполагает какой-либо предшествующий либо последующий процесс, ситуацию, имплицитно выраженную конкретным существительным. Однако семантика конкретного имени также является средством актуализации пропозитивного значения в рассматриваемых конструкциях.

Литература

- Адамец П.* Несколько замечаний о синтаксической омонимии в русском языке // Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992.
- Апресян Ю.Д.* Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1959.
- Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 2006.
- Золотова Г.А.* Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // ВЯ, 1995. №2.
- Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Малащенко В.П.* Свободное присоединение предложно-падежных форм

- имени существительного в современном русском языке. Ростов н/Д., 1972.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
- Осетрова Е.В.* Ситуация манифестации факта и ее воплощение в русском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук. Великий Новгород, 1997.
- Пантелеев А.Ф.* Вторичная именная предикация: существительные с процессуальной семантикой в русском языке. Saarbrücken, 2011.
- Татарникова Г.Ф.* Синонимика именных оборотов с отглагольными существительными и придаточных предложений. Ростов н/Д., 1970.
- Тулина Т.А.* Предикатные актаны как компоненты семантической структуры предложения и текста// Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Храковский В.С.* Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

References

- Adamets P.* Neskol'ko zamechaniy o sintaksicheskoi omonimii v russkom yazyke// Sistemnye semanticheskie svyazi yazykovykh edinit. M., 1992.
- Aprsyay Yu.D.* Sintaksis i semantika v sintaksicheskome opisaniy// Edinitsy raznykh urovnei grammaticheskogo stroya yazyka i ikh vzaimodeistvie. M., 1959.
- Babaitseva V.V.* Perekhodnye konstruksii v sintaksise. Voronezh, 1967.
- Buslaev F.I.* Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. M., 2006.
- Cheremisina M. I., Kolosova T. A.* Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya. Novosibirsk, 1987.
- Khrakovskii V.S.* Tipologiya konstruksii s predikatnymi aktantami. L., 1985.
- Malashchenko V.P.* Svobodnoe prisoedinenie predlozhno-padezhnykh form imeni sushchestvitel'nogo v sovremennom russkom yazyke. Rostov n/D., 1972.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovy slovar' russkogo yazyka. M., 1993.
- Osetrova E.V.* Situatsiya manifestatsii fakta i ee voploshchenie v russkom yazyke: avtoref.... dis. kand. filol. nauk. Velikii Novgorod, 1997.
- Panteleev A.F.* Vtorichnaya imennaya predikatsiya: Sushchestvitel'nye s protsessual'noi semantikoi v russkom yazyke. Saarbrücken, 2011.
- Tatarnikova G.F.* Sinonimika imennykh oborotov s otglagol'nymi sushchestvitel'nymi i pridatochnykh predlozhenii. Rostov n/D., 1970.
- Tulina T.A.* Predikatnye aktanty kak komponenty semanticheskoi struktury predlozheniya i teksta// Slovar'. Grammatika. Tekst. M., 1996.
- Zolotova G.A.* Monopredikativnost' i polipredikativnost' v russkom sintaksise// VYa. 1995. № 2.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu.* Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M., 1998.

Panteleev A.F. (Rostov-on-Don, Russian Federation) PREPOSITIONAL-CASE WORD FORMS OF DEFINITE NOUNS AND A SECONDARY NOMINAL PREDICATION

Key words: proposition, secondary predication, processuality, specific name, coempirical.

This article analyzes the specific functioning of prepositional-case specific word forms of nouns acting as carriers of propositive meaning

in the “non-elementary” simple sentences in elimination of action name. Analyzing the constructions with prepositions “on”, “to”, “after”, “before”, we found that these structures show a close relationship with the semantics of the main predicate, background knowledge of the speakers necessary for actualization of propositive syntaxemes with semantics of specific names. Mutual awareness of communicants creates the necessary conditions for the elimination of propositive name. These structures are more closely connected with macro context, if compare them with verbal constructions and secondary predication, expressed by the name of action. In constructions with specific names it can be realized “implicitness supposed knowledge” in which the explication of the nominal meaning of the secondary predication does not match our understanding of the prototypical situation. A situation of “virtual knowledge” is a feature in the analyzed structures. Such constructions taken out of sentences, out of context, are different due to semantic uncertainty. Propositive meaning of a particular name is actualized primarily by the main predicate semantics, but the semantics of a particular name as a means of actualizing the procedural semantics is of secondary predication in these structures.

Panteleev Andrey Felixovich – associate professor of language theory and the Russian language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern federal university. Tel. +7-918-510-63-48. E-mail: af3@yandex.ru